

«РУССКИЙ УНИВЕРСАЛИЗМ»: НОВОЕ О ВЯЧЕСЛАВЕ ИВАНОВЕ

Современное изучение творческого наследия крупнейшего поэта и мыслителя начала XX века Вяч. Иванова после трех десятков лет интенсивной исследовательской активности переживает период определенного обобщения. В 2018 г. вышел в свет первый том (в двух книгах) нового собрания сочинений Вячеслава Иванова¹. Как в свое время писал В. Ходасевич, для каждого писателя собрание сочинений – «то же, что для живописца – ретроспективная выставка. Тут поневоле подводятся итоги, обзревается и неизбежно пересматривается прошлое»². Однако наряду с подведением итогов продолжается процесс архивных открытий, обнаружения новых граней уже известного, изучения междисциплинарных связей и т.д. В этом отношении обращает на себя издание, вышедшее параллельно с первым томом собрания сочинений Вяч. Иванова: это очередной, третий, выпуск сборника исследований и материалов, посвященный крупнейшей из фигур русской культуры начала XX века. Сборник вышел в свет благодаря усилиям как международного коллектива авторов; многие из его состава принимали участие в последних международных конференциях, посвященных жизни и творчеству Вяч. Иванова: «Вяч. Иванов и дионисийство: *Disputatio metaphisica et culturalis*» (СПб., 2015), «Музыка – философия – культура. Родное и вселенское: К 150-летию Вячеслава Иванова» (Москва, 2016), «Историческое и надвременное у Вяч. Иванова» (Рим, 2016), так и составителей и ответственных редакторов – С.В. Федотовой и А.Б. Шишкину, представляющих такие важные для современного ивановедения научные центры, как ИМЛИ РАН и Исследовательский центр Вячеслава Иванова в Риме.

В свое время Н. Бердяев определил В.И. Иванова как «человека с универсальной культурой». В согласии с универсализмом личности Вяч. Иванова сборник «Вячеслав Иванов. Исследования и материалы» разделен на три основных раздела с удвоенной тематикой каждого: «Поэзия и философская мысль», «Музыкально-театральная эстетика», «Поэтика. Стиховедение».

Открывает сборник статья В. В. Петрова³, посвященная анализу онтологических представлений Вяч. Иванова. В центре находится «Сон

---

¹ Иванов Вячеслав. Собрание сочинений. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2018. Тираж 300 экз.

² Ходасевич В.Ф. Собр. Соч. в: 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 329.

³ Предшествующую статью В. Петрова, посвященную выявлению источников «Сна Мелампа» Вяч. Иванова, см.: Петров В.В. «Разнотекущие потоки» в Снег Мелампа Вячеслава Иванова: интертекстуальный анализ //

Мелампа» (1907), философская и мистическая поэма, помещенная Вяч. Ивановым во второй части своего сборника «Cor Ardens» (1911 – 1912). В основе этого произведения лежит миф о Мелампе – Мелампиде, который, согласно Аполлодору, является реформатором дионисической религии и ее обрядов. В «Сне Мелампа» представлена репрезентация ивановской метафизики, вот почему ключевые понятия в нем – вечность и текущее время, пребывание и становление, существование и бытие, ройя и антиройя, единство – двойственность – множественность и пр. Понятие антиройя сам Иванов в комментариях к «Сну Мелампа» толковал как «встречную причинность». В.В. Петров в соответствии с традицией собственно философской предлагает понимать антиройю Иванова как «обратную причинность» (с. 32). Задача статьи - расширить источниковую базу образно-мотивной и тематической основы «Сна Мелампа». В соответствии с поставленной задачей автор статьи предлагает рассматривать названное произведение Иванова в контексте трудов В. Вундта, Дюпреля, Р. Штейнера. Но особо в этом ряду выделен Эдуард Шюре с его знаменитой книгой «Великие посвященные»: автор статьи полагает, что «Сон Мелампа» создан как поэтическое переложение этого прозаического источника» (с. 33). Среди «заимствований» Ивановым у Шюре предлагается увидеть сюжетно-композиционный прием сна, после которого посвящаемый в тайны бытия и у Шюре, и у Иванова, смотрит на мир другими глазами. Однако, на наш взгляд, влияние «Великих посвященных» на «Сон Мелампа» все же несколько преувеличено. Так, для аргументации своего предположения автор статьи приводит фрагмент из книги Шюре, посвященный первому таинству учения Орфея, изложенному в виде посвячительного мифа, в котором речь идет о том, что Зевс соединяет в себе мужское и женское начало, «Юпитер одновременно Супруг и божественная Супруга» (с. 34). И далее Петров пишет, что «в поэме Вяч. Иванова протагонисту в посвячительном сне открываются практически те же таинства. <...> Его Зевс пребывает мужеженским и змееобразным» (с. 35). До конца согласиться с этим утверждением трудно, поскольку представление о Зевсе как единстве мужского и женского начала, восходит к орфическим представлениям, зафиксированным в орфических гимнах: «Зевс - мужчина, Зевс - бессмертная женщина». И, как известно, Вяч. Иванов о себе говорил: «Никто из моих современников не живет чувством мифа, как я». Вряд ли это чувство мифа он черпал из «Великих посвященных» Шюре, тем более что он в течение многих

лет занимался профессиональным изучением наследия античной Греции, обращаясь к первоисточникам, а не компиляциям.

Еще одним важным источником для «Сна Мелампа» В.В. Петров предлагает считать учение Р. Штейнера о «четвертом измерении», «трактуемом как область астральной реальности, зеркальной по отношению к трехмерному физическому миру» (с. 61). Телесное существование Штейнер предлагает рассматривать как пересечение двух потоков, берущих свое начало из мира физического и астрального (из прошлого и из будущего), которые зеркально отражаются друг в друге, подвергаясь зеркальному же искажению (перемена правое/левое). Автор рецензируемой статьи утверждает, что данные теософские представления Штейнера, высказанные им в 1905 г., нашли свое прямое отражение в «Сне Мелампа» Вяч. Иванова. Однако известно, что образ зеркала присутствует в древнем мифе о Дионисе-Загрее, причем в таком контексте, который позволяет интерпретировать его как символ идеального бытия, инобытия и пр. (по сюжету этого мифа зеркало было именно той игрушкой, за которой потянулся Загрей, когда титаны стали выманивать его из колыбели для того, чтобы уничтожить)⁴. Зеркало присутствует и в «Орфее растерзанном»:

Мы титаны. Он младенец. Вот он в зеркало взглянул:
В ясном зеркале за морем лик его, делясь, блеснул!

Этот мотив зеркального отражения лика получит свое развитие в «Сне Мелампа». Однако у Вяч. Иванова важным является семантика лживости, обманности, дробной множественности отражения единого лика, которая отсутствует в теософской концепции Штейнера. Хочется подчеркнуть: возведение ключевой идеи «Сна Мелампа» о временном потоке и противопотоке через мотив зеркальности исключительно к идеям Штейнера выглядит несколько категоричным. Скорее, склоняешься согласиться с мыслью Р.И. Соколова о «Сне Мелампа» как палимпсесте⁵, комплекс идей которого имеет полигенетический характер, не позволяющий возводить ту или иную идею исключительно к одному-единственному автору.

Небольшая статья И.А. Едошиной «Эдлинскими тропами Вячеслава Иванова и Павла Флоренского» обращена к лекциям «Из истории античной философии» П. Флоренского, прочитанным в Московской духовной академии в 1909 г. Данные материалы интересуют автора статьи, прежде

---

⁴ Изложение этого мифа с упоминанием зеркала в качестве игрушки приведено Вяч. Ивановым в «Эллинской религии страдающего бога» (1904).

⁵ Соколов Р.И. «Глубинного сердца биенье»: «Сон Мелампа» Вяч. Иванова // Славянские чтения П. Даугавпилс-Резекне: Изд-во Латгальского культурного центра, 2002. С. 102–107.

всего с точки зрения цитирования Флоренским в своих лекциях текстов духовно близкого ему поэта Вяч. Иванова. По утверждению Едошиной, эта близость зиждется на восприятии сущности бытия как абсолютной реальности, недоступной для сознания, замкнутого на эмпирическом восприятии мира. Не случайно для обоих мыслителей близка идея «ночной души», которая в русской поэзии восходит к лирике Ф.И. Тютчева.

Вяч. Иванов как исследователь творчества Достоевского неоднократно привлекал к себе внимание литературоведов: в данный раздел филологической науки автор работы «Достоевский и роман–трагедия» сделал существенный вклад, неотменимый и в сегодняшней научной мысли. На широком фоне изучения Достоевского с религиозно-философской позиции начала XX века О.В. Богданова в своей статье «Вячеслав Иванов: у истоков науки о Достоевском» особенно выделяет точку зрения поэта-символиста. Основной тезис, аргументируемый в статье Богдановой: Вяч. Иванов в своих взглядах на Достоевского, выделяя в своей работе «Достоевский и роман-трагедия» «принцип формы» в качестве предпосылки «принципа содержания», занимает позицию медиатора между собственно религиозно-философской трактовкой Достоевского (Д.С. Мережковский, А.Л. Волынский и др.) и методологией, ориентирующейся на неокантианские идеи (Б.М. Энгельгардт, Л.П. Гроссман, М.М. Бахтин и др.). Вполне обоснованным в этом контексте выглядит предположение автора статьи о том, что Иванов, размышляющий не только о религиозно-философском содержании романов Достоевского, но и художественной специфике его творчества, испытал влияние неокантианца баденской школы Г. Риккерта и его труда «Науки о природе и науки о культуре»⁶, никогда при этом не воспринимавший всего комплекса идей неокантианцев. Анализ работ Иванова в контексте научной и религиозно-философской мысли начала XX века, обращенной к Достоевскому, убедительно демонстрирует, что поэт-символист «никогда не оспаривал, но лишь углублял и дополнял восходящую к Риккерту мысль о художественной форме как специфической черте “изящной словесности”» (с. 82). Кроме того, важным для истории науки является наблюдение Богдановой о том, что русский неокантианец Б. Энгельгардт, для которого исходной точкой в его работах была близкая Риккерту мысль о ценности отдельного литературного произведения, в своих конкретных интерпретациях образов-символов (прежде всего в работе «Идеологический роман Достоевского») приближался к Вяч. Иванову.

Заключает раздел, посвященный философии и поэтическому творчеству Вяч. Иванова статья Е. А. Тахо-Годи, обращенная к «Повести о

---

⁶ В статье при упоминании этого труда Риккерта вкралась досадная опечатка (с. 80).

Светомире царевиче». Это незавершенное Ивановым произведение интересует автора статьи как с историософской позиции (идея «третьего Рима» и «вечного Рима»), так и с точки зрения интертекстуальности. В статье пунктирно представлены обоснования в пользу того, что источником для «Повести о Светомире» является не только артуровский цикл, но и южнославянские тексты. При этом, как подчеркивает Тахо-Годи, Иванов выбирает «международные» сюжетные ходы, поскольку они «отражают метафизическую мечту об идеальном правителе, о небесном Граде, о преображающем мир синтезе Запада и Востока» (с. 99).

Во втором разделе помещен ряд работ, посвященных музыкальной и театральной эстетике. Польский исследователь А. Дудек ставит вопрос, в общем, не новый для русского символизма в целом: это вопрос о роли музыки в духовной жизни творца. Понятие музыки анализируется в статье с разных сторон. Автор статьи утверждает, что рассуждения поэта-символиста «о разных аспектах музыки образуют в творческом наследии Иванова интереснейшую эстетическую теорию и складываются в своеобразный очерк развития этого вида творчества» (с. 111).

Речь в статье идет о музыке как физическом выражении музыкальной гармонии, которая на рубеже XIX–XX вв. понималась композиторами и музыкантами-символистами (Чурленис, Скрябин и др.) как инструмент для особого «подключения» к «духу музыки», той метафизической структурной основе мира, которая являет всеединство бытия. «Синтез искусств» - не цель, а путь, что хорошо понимал Вяч. Иванов. В концепцию творческого процесса Вяч. Иванов включает понятия «музыкальной стихии» и «духа музыки», обладающие разной степенью абстракции. Более определяемое, с точки зрения Дудека, - понятие «дух музыки», который является и источником вдохновения художника, и идеальным образцом, которому художник стремится соответствовать своими материальными средствами создания красоты, самой материей звучания музыкального произведения. Автор статьи не случайно выделяет такие частные понятия, как ритм, повтор, тон: Вяч. Иванов считает их эмпирически улавливаемым проявлением как космического «духа музыки», так и земной музыкальности, которую, в свою очередь, поэт-символист, судя по его статьям, обнаруживает не только в музыке как таковой, но и в других видах искусств, в том числе и в поэзии.

С другой точки зрения тему «Вячеслав Иванов и музыка» продолжает статья музыковеда М.А. Карачевской «Поэзия Вячеслава Иванова в музыкальных “Стихотворениях” Михаила Гнесина». В статье представлена реконструкция взаимоотношений Вяч. Иванова и М. Гнесина, познакомившихся в 1906 г. и не оставшихся равнодушными друг к другу. По

замечанию Карачевской, особенно Иванова заинтересовала теория музыкального чтения в драме, которую Гнесин разрабатывал в начале 1900-х гг. Мысль о синтетических формах искусства, увлекавшая поэта-символиста, сближала его с проектом Гнесина, поскольку в теории музыкального чтения в драме он оценил попытку воссоздания основ греческого синтетического театра.

Весьма полезны в статье приведенные архивные материалы Гнесина, восполняющие некоторые лакуны, связанные с творческими планами и замыслами Иванова (например, в двух неопубликованных письмах Гнесина жене (июль 1915 г.) упоминается музыкальная драма, которую планировали совместно написать Иванов и Гнесин. До сих пор об этом произведении было известно только из письма Иванова В.К. Ивановой-Шварсалон от 1 августа 1915 г.). Ценным является и публикация единственного известного письма Гнесина, обращенного к Иванову, от февраля 1912 г. (ранее это письмо было опубликовано Г.В. Обатниным лишь частично).

Кроме того, в статье подвергаются музыковедческому анализу те вокальные сочинения Гнесина 1910-х гг., для которых тексты из «*Cor ardens*» Вяч. Иванова послужили литературным источником («Розариум», «Сад Нимф»), три пьесы из сборника «Посвящения».

Еще одна небольшая статья, в которой анализируется лирика Вяч. Иванова, воссозданная в музыкальном творчестве Н. Мясковского, принадлежит музыковеду Д.М. Мамедовой. В центре – вокальный цикл Мясковского «Три наброска», литературной основой которого стали три стихотворения Вяч. Иванова из его книги «Прозрачность: «Долина – храм», «Пан и Психея», «Гроза».

Статья С.В. Стахорского «Архаические паттерны театра в трудах Вяч. Иванова» посвящена критическому разбору театральных элементов, которые в трудах мыслителя начала XX века участвуют в его теоретических построениях, обращенных к религиозно-философской идее античных форм драматического искусства. Так, например, Стахорский отмечает, что «доказательство священного значения котурнов Иванов усматривает в бытовавшем на острове Тенедос обряде, по ходу которого теленку, предназначенному в жертву Дионису, надевали котурны поверх копыт. Единственное упоминание этого обряда содержится в сочинениях Клавдия Элиана “О природе животных”» (с. 129). И далее приходит к выводу, подвергающему сомнению тезис Иванова: «В Аттике и других областях античной Греции обряд, схожий с тенедосским, не зафиксирован, и поэтому влияние его на театр представляется маловероятным» (с. 129).

В статье Н. А. Вагановой «Концепция телिमонотеизма Вяч. Иванова и религиозная мистерия будущего» предпринята реконструкция ивановских взглядов, с одной стороны, на древнюю трагедию, с другой – на религиозную мистику будущего, которая в качестве идеальной модели «оглядывается» на античность. Согласно этой реконструкции, Вяч. Иванов наделяет искусство трагедии «женской душой»: в нем стихийность преобладает над рационализмом, катастрофизм над становлением (с. 141). В свою очередь, трагедия восходящая к ритуально-обрядовым религиозным практикам, несет в себе память о первоначальной религии, в основе которой лежит идея телिमонотеизма (женского единобожия).

Раздел «Поэтика. Стиховедение» включает в себя работы, обращенные к изучению разных граней творчества Иванова-поэта. В статье А.Г. Грека рассматривается поэтика музыкальности в лирике Иванова. Анализ стихотворения «Музыка» (сб. «Кормчие звезды») демонстрирует некоторые закономерности лексико-грамматической и фонетической организации этого стихотворения.

Малоизученному аспекту ивановедения посвящена статья С.Д. Титаренко: анализу воздействия на Иванова Д.Г. Россетти, английского поэта и художника-прерафаэлит. Это влияние рассмотрено на примере стихотворения «Зеркало Эроса» из сборника «Кормчие звезды» Вяч. Иванова. В качестве ключевого исследовательница выделяет мистический мотив слияния и полета двух душ, который лежит в основе и цикла сонетов «Ивовая роща» Россетти, и в его картине «Паоло и Франческо да Римини», и в стихотворении Иванова «Зеркало Эроса». На прямое (а не только общие источники в виде Платона и Данте) воздействие Россетти на анализируемое стихотворение Иванова указывает эпиграф к «Зеркалу Эроса». Живописное воздействие Россетти, по мнению автора статьи, откликается в стихотворении Иванова в особой организации «текст, созданного как иллюзорное декоративное пространство воображаемой картины» (с. 192).

Процессу «истолкования ключевых произведений Вяч. Иванова» посвящена и статья люблинской исследовательницы М. Цемборской-Лебоды. Ее внимание приковано к стихотворению Иванова «Eden» замыкающему его «Rosarium». Оно привлекает исследовательницу с точки зрения ключевых топосов поэзии Иванова, среди которых она особо выделяет рай/Эдем, интерпретируемый ею сразу в нескольких религиозно-мистериальных смысловых контекстах.

Л.В. Павлова предлагает принципиально иную методику изучению символа в лирике Вяч. Иванова. Не первый год работая над описанием основных символов Вяч. Иванова, Л.В. Павлова в своей статье делится

некоторыми выводами своей кропотливой работы. Она отмечает, что вокруг того или иного символа Вяч. Иванова возникает «своего рода лексический орел», сопровождающий основной символ (с. 217), который исследовательница предлагает назвать «лексическими комбинациями» или «словами-спутниками». Отмеченную тенденцию поэтического мышления поэта-символиста автор статьи проверила более объективным способом. Об этом она пишет: «мы пришли к компьютерной обработке текстов с помощью специально составленного программного комплекса “Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах”» (с. 219). Благодаря этому комплексу, исследователю удастся «обнажить некоторые глубоко скрытые механизмы построения поэтического текста» (с. 230), которые не фиксируются иными способами.

Л.Г. Каяниди обращается к таким значимым текстам Вяч. Иванова, как «Сон Мелампа» и «Прометей», анализируя пространственно мифологическую модель и ее трансформацию в этих произведениях. Один из основных тезисов статьи: «Художественное пространство у Иванова представляет собой три сферы: эмпирическую, мистическую и мифологическую. Последняя является порождающей моделью для двух других, которые оказываются ее отражением» (с. 232). Данная пространственно-мифологическая модель, с точки зрения Каяниди, является универсальной для поэзии Вяч. Иванова. Данное положение автор статьи убедительно раскрывает в сопоставительном анализе двух произведений Иванова: «Сон Мелампа» и «Прометей».

Завершают третий раздел сборника две стиховедческие статьи: «Газеллы Вячеслава Иванова» Ю.Б. Орлицкого и «Семистишия в строфическом репертуаре Вячеслава Иванова: на пути к полусонетам» О.И. Федотова. Обе статьи обращены к достаточно экзотическому стиховому материалу, демонстрирующему экспериментаторскую грань Иванова-поэта. Судя по наблюдениям, сделанным Орлицким, Иванов в начале XX века достаточно активно участвовал в формировании такой поэтической формы, как русская газелла. Анализ выявленных в лирике Иванова семистиший приводит Федотова к выводу о том, что обращение к семистишиям у Иванова неслучайно: поэт ориентировался на традиционные модели, освященные авторитетом Гете, воспроизводя различные модификации Коринфской строфы...» (с. 271).

Раздел «Biografica» богат архивными находками, материалами, расширяющими и дополняющими современное знание о жизни Вяч. Иванова. Раздел открывает М. Вахтель статьей, продолжающей его многолетние разыскания о студенческих годах жизни Вяч. Иванова в

Берлине. В ней представлены интереснейшие находки из архива Университета им. Гумбольдта: прошение Вяч. Иванова декану о его намерении подвергнуться устному экзамену, автобиография студента-Иванова и, пожалуй, наиболее интересный из документов – отзыв Момзена на диссертацию Иванова. Последний по-новому освещает взаимоотношения русского студента и немецкого ученого-историка.

Важное значение для реконструкции событий 1913–1916 гг. в жизни Вяч. Иванова и его семьи имеет материал, публикуемый А.Л. Соболевым, – «“Зубовская пустынь”»: История предпоследней московской квартиры Вячеслава Иванова», который, несомненно, окажет большую помощь при последующем составлении Летописи жизни и творчества Вяч. Иванова.

Еще одна страница жизни Вяч. Иванова детально (с привлечением как опубликованных, так и архивных материалов) раскрывается в статье Е.В. Глуховой «Вячеслав Иванов в проектах Наркомпроса: клуб “Красный петух” 1918–1919 гг.». В первые годы советской власти Иванов сотрудничал с театральным отделом (ТЕО) Наркомпроса. Просветительская деятельность, в которой принимал участие Иванов (чтение лекций, участие в дискуссиях, в организации и проведении музыкальных и театральных постановок), велась, в том числе, и в клубе «Красный петух», организованный по инициативе заведующей ТЕО Наркомпроса О. Каменевой. Важным документом, свидетельствующем о деятельности Иванова в этом клубе, является стенограмма лекции «Происхождение греческой трагедии», прочитанной им 17 февраля 1919 г., которую публикует Е.В. Глухова в качестве приложения к своей статье.

Завершает раздел статья С.В. Федотовой, в которой исследовательница решает задачу выявления биографического и творческого подтекста эпиграммы Вяч. Иванова 1919 г., оставленной им на страницах «Чукоккалы». Текст эпиграммы «Чуковский, Аристарх прилежный...», по мнению автора статьи, говорит, во-первых, о его «диалогическом» характере, и во-вторых, о некотором итоговом портретировании Чуковского поэтом-символистом. Для того, чтобы вскрыть завуалированную конкретику, послужившую причиной создания эпиграммы, Федотова обращается к детальной реконструкции истории взаимоотношений Иванова и Чуковского, начавшихся в 1906 г., которая приводит ее к выводу о достаточно негативном отношении критика к поэту-символисту и «реалистическому символизму в целом, на которое Иванов и откликнулся в своей «ответной» эпиграмме.

В заключительном разделе «Miscellanea» вводятся в научный оборот новые материалы разного характера. Г.В. Обатнин публикует новонайденную запись Вяч. Иванова о философии Э. Гуссерля, отталкиваясь

от которой создает реконструкцию опосредованных контактов Иванова с феноменологией Гуссерля.

К.Ю. Лаппо-Данилевский опубликовал шесть переводов Иванова из лирики Пётефи. В преамбуле, предшествующей публикации высказано предположение о том, что этот перевод был выполнен в начале 1910-х гг. для антологии, планировавшейся издательством Сабашниковых.

Завершает сборник статья А.Б. Шишкина «Новонайденный портрет Вяч. Иванова работы М. Сабашниковой», в которой идет речь о творческом проекте М. Сабашниковой – задуманной ею книге-альбоме с портретами деятелей культуры начала XX века и воспроизведением разговоров с этими персонажами. Среди них предполагалось поместить и портрет Иванова. Автору статьи удалось найти сохранившееся клише портрета Вяч. Иванова работы М. Сабашниковой, которое и опубликовано в сборнике. По мнению, А.Б. Шишкина художница стремилась воплотить в портрете Иванова символическую формулу «лик – лицо – личина».

Нужно отметить, что авторский коллектив сборника «Вячеслав Иванов. Исследования и материалы» сделал значительный вклад в изучение символизма как исторической формы духовной жизни в России начала XX века в целом и в исследование жизни и творчества Вяч. Иванова, в частности.

Т.В. Игошева

Журнал «Русская литературы» 2020. № 2 (сокращенный вариант),